

шениями, имеет свои специфические черты, что было наглядно продемонстрировано костюмами участников туркменской декады в Москве в 1956 г. Но яшмак, являющийся в сознании туркмен как бы символом превосходства мужчины над женщиной, отнюдь не украшает ее национальную одежду.

В рецензируемой работе явно недостаточно освещены и другие пережитки феодально-байского отношения к женщине, проявляющиеся, например, в том, что «некоторые мужчины считают унизительным для себя ходить в кино, театр и другие общественные места со своей женой; что некоторые девушки, выйдя замуж, выбывают из комсомола и отрываются от общественной работы и общественной жизни, бросают учебу...» (стр. 55). Такое краткое, можно сказать, декларативное свидетельство о наличии в туркменской семье отсталых отношений придает изложению характер недооценки этих явлений и пассивного отношения к ним. Вызывает недоумение и то, что автор не уделил внимания все еще сохраняющемуся обычая обрезания и ряду других обрядов и обычаев. Хотелось бы в такого рода работе, как рецензируемая нами, видеть больше конкретного материала, наглядно показывающего, как в процессе социалистического преобразования осуществлялось изживание старых и складывание новых, прогрессивных форм быта, какие вредные традиции уже исчезли и какое место занимают в наше время пережитки старого, постепенно отживающего быта.

В работе Н. Кулиева очень уместно и правильно обращено внимание на религиозные пережитки и суеверия, относящиеся, по справедливому замечанию автора, «к разряду наиболее живучих, трудно искоренимых и вредных пережитков отсталого прошлого» (стр. 57). Именно поэтому и следовало бы не только назвать конкретные формы религиозных пережитков, обрядов и суеверий, как, например, соблюдение поста «ураза», религиозного праздника «курбан-байрам», ношение и хранение амулетов, посещение «святых мест», устройство поминок и чтений молитв (стр. 61—63), но и осветить во всей полноте стоящие за ними представления, объяснить, почему эти последние сохраняются в современных условиях, указать на связь религиозных пережитков с семейным и общественным бытом, на процесс их изживания в зависимости от материальной обеспеченности и культурного уровня членов семьи, от степени участия их в общественном производстве и т. д.

В литературе последнего десятилетия наблюдается стремление преуменьшить роль религиозных предрассудков, что создает искаженное представление о действительности и ослабляет борьбу с ними. Глубокий и всесторонний анализ религиозных пережитков, их специфики и причин их сохранения в сознании и в быту некоторой части туркмен поможет найти правильный путь к скорейшему освобождению их от религиозных предрассудков и суеверий. Несомненно, что подавляющее большинство туркмен в результате осуществленных за годы Советской власти мероприятий уже освободилось от влияния религии и их мировоззрение имеет в большинстве материалистический характер. Тем не менее «пережитки отсталого прошлого, — как правильно указывает Н. Кулиев, — не отрицают сами по себе, они преодолеваются в процессе организованной борьбы трудящихся, руководимых Коммунистической партией, за конкретную переделку сознания людей» (стр. 67).

Большую помощь в этом окажут советские ученые, если они в своих работах правдиво будут освещать формы бытования пережитков и их место в современном быту, осветят стоящие за этими пережитками представления и объяснят, почему они еще сохраняются в современной обстановке.

В целом работа Н. Кулиева оставляет благоприятное впечатление. Учитывая важность поднятой им темы, пожелаем автору успеха в скорейшей подготовке к печати второго, переработанного и дополненного издания этой работы на туркменском и русском языках.

Я. Р. Винников

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

КОМПЛЕКСНАЯ РОДОПСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК *

Родопский край — один из интереснейших районов Болгарии. Его богатая событиями история, своеобразие хозяйственного развития, наконец, самобытность его населения всегда привлекали исследователей. О жителях Родоп писали Ст. Шишков, К. Иречек, Хр. Константинов и многие другие авторы.

Славянская культура в Родопах имеет давние местные традиции и хорошо сохранилась, несмотря на насильственную исламизацию родопского населения в XVI—XVII и отчасти в XVIII вв. В это время часть местных жителей приняла ислам, однако немало болгар осталось христианами. Влияние ислама коснулось лишь некоторых внешних сторон быта болгар-мусульман. По культурному облику они во многом близки к болгарам-христианам, живущим в той же области.

Изучение болгар Родопского края представляет большой научный интерес. В быту

* Комплексна научна Родопска експедиция през 1953 година, Доклади и материали. София, Българската Академия на науките, 1955

населения сохранилось немало особенностей, по которым можно восстановить культурный облик родопских болгар в середине века, а в какой-то мере и бытовые особенности славянских племен, живших здесь на заре болгарской истории. Болгары-мусульмане, в частности, сохранили много архаических черт в быту и языке, восходящих к донесламскому времени. Эти пережитки могут служить ценным источником для изучения этнической истории болгарского народа.

Этнографическое исследование родопского населения интересно также тем, что оно дает богатый материал для подтверждения славянского характера местной культуры и тем самым опровергает ложную теорию о «культурной миссии» турок на Балканах.

После установления народно-демократического строя в Болгарии судьбы края коренным образом изменились. Родопы, бывшие ранее одним из наиболее глухих и отсталых уголков страны, превращаются в крупный промышленный район — «Болгарский Урал». Быстро меняются и преобразуются культура и быт местного населения, оказавшегося в гуще бурного строительства.

Не удивительно, что и в наши дни Родопы продолжают привлекать внимание исследователей. Болгарская академия наук направила сюда комплексную экспедицию, которая в прошлом году опубликовала сборник докладов и материалов.

Экспедиция была проведена в июле 1953 г. В ее составе находились сотрудники нескольких институтов Болгарской академии наук: два архитектора, один этнограф, один искусствовед, два музыковеда и другие. Экспедиция работала под руководством члена-корр. БАН архитектора Любена Тонева.

Местом исследования были избраны Средние Родопы, т. е. область бассейнов рек Вичи и Асеницы и верхнего течения Арды. Здесь живут как болгары-христиане, так и болгары-мусульмане (помаки), а также небольшое число влахов, каракачан, цыган и турок. Это обстоятельство придает большое своеобразие культурно-бытовому облику населения области.

Экспедиция носила разведывательный характер, ее основной целью было составление конкретного плана дальнейших исследований быта и народного творчества. Эти исследования, по мысли болгарских ученых, должны иметь не только чисто научный интерес, но и служить практическим нуждам социалистического строительства. Члены экспедиции установили связь с местными культурно-просветительными учреждениями и организовали сеть местных корреспондентов.

Публикуемые сведения интересны прежде всего тем, что дают представление о материале, который ожидает исследователей Родопского края.

В книге наибольший интерес для этнографов представляют статьи Васила Маринова «Население и быт в Средних Родобах», Любена Тонева — «Народная архитектура в Родопском крае» и Ивана Качулева — «Состояние народной музыки в Родобах».

Васила Маринова занимают важные проблемы этнографии Родопского края, прежде всего вопросы происхождения и этнической истории населения района. В. Маринов собирал сведения по истории отдельных сел и переселенческих движений. Наряду с расспросами населения автор использовал и данные письменных источников, а также осматривал развалины средневековых построек и места старых поселений, записывая предания о них, что дало интересный материал для истории края.

В. Маринов приходит к выводу, что основная масса болгарского населения обследованного им района «является потомками древнего славянского племени — смолян» (стр. 38).

В свете этнографических и исторических данных представляется весьма вероятным, что значительная часть среднеродопских болгар — исконное население данной области. Однако утверждение, что оно происходит именно от смолян, автором недостаточно аргументировано. В. Маринов ограничивается здесь ссылкой на работы Д. Дечева и Ст. Шишкова (стр. 38)¹. Кстати сказать, Д. Дечев в статье, на которую ссылается автор, вопрос об этническом происхождении современного родопского населения специально не рассматривает. В отношении же смолян он держится той точки зрения, что они жили западнее Средних Родоп. Поэтому не совсем ясно, как это положение Дечева может подтверждать тезис Маринова.

Последние более или менее обстоятельные сведения об этническом составе населения Средних Родоп относятся к концу XIX — началу XX в. В результате экспедиции 1953 года стало ясно, что с тех пор этнический состав населения края сильно изменился. Число помаков значительно уменьшилось в результате неоднократных их выселений за границу, число болгар-христиан, наоборот, увеличилось. Изменилось и соотношение других национальностей: совсем не стало юруков, очень мало осталось влахов, турок. За полвека некоторые иномациональные группы успели ассимилироваться с болгарами (например, часть каракачан).

Для этнической истории края большой материал дает топонимика. Мариновым установлено, что топонимика в Средних Родобах в основном славянская. То же отмечают и другие исследователи, например, П. Делирадев². Однако автор едва ли прав, припи-

¹ Д. Дечев, Где са живели смоляните? Сборник в чест на В. Златарски, София, 1925; Ст. Шишков, Народностният лик на Родопската област в миналото и днес, «Български турист», XXV, 1933.

² П. Делирадев, Принос към историческата география на Тракия, т. II, София, 1953, стр. 137.

сывая болгарам почти все топонимические названия. В частности, слова «Сиджак-су», «Демль-дере», «Пазарли», «Аман-бунар», «Пелаф-тепе», несомненно, турецкого происхождения. Многовековое господство турок и пребывание в Родопях юруков должны были, естественно, как-то отразиться на топонимике рассматриваемого района.

Большой интерес вызывают приведенные Мариновым сведения по хозяйству. В старой болгарской литературе обращалось мало внимания на связь хозяйства с общественным строем. В. Маринов в своей работе стремится учитывать эту связь. В частности, в разделе о хозяйстве им ставится вопрос об изучении овцеводческих и рыболовецких задруг.

Большой интерес вызывают и краткие сведения о материальной культуре родопских болгар, так как пока имеется лишь небольшое число публикаций на эту тему, в особенности в последние годы.

В статье приводится интересный материал по старинным пахотным орудиям. Новые данные еще раз подтверждают существование в Родопях двух определенных типов рала. По мнению Маринова, один тип является местным, «родопским» типом рала, другой же проник сюда из соседних районов, в частности — с Фракийской низменности. «Родопский тип» рала, по Маринову, характеризуется прямым дышлом («вуише»), вставленным в ручку выше полоза, отвалом («уши»), сделанным из разветвленного дерева и прикрепляемым поверх полоза, и рядом других, более мелких особенностей. В противоположность этому рало, бытующее, по словам автора, во Фракийской низменности, имеет искривленное дышло и «уши», составленные из двух кусков дерева, которые прикрепляются с боков полоза. Для родопских рал характерна железная роющая часть типа «палешника» (стр. 50).

В исследовании болгарских сельскохозяйственных орудий В. Маринов имеет предшественников, среди них — болгарских ученых Хр. Вакарельского³ и Ж. Вьжарову⁴. «Родопское» рало Маринова по конструкции совпадает со II типом рала по классификации Вьжаровой и I типом рала по систематике Вакарельского. Однако, как показано в работах последних двух авторов, черты, отмеченные Мариновым как характерные для родопских рал, распространены гораздо шире. Представляется, что если автор склонен придерживаться какой-то иной классификации пахотных орудий, ему следовало бы привести сравнительный материал не только из близлежащих областей, но и из других районов Болгарии.

Статья Маринова завершается небольшим разделом «Новая социалистическая культура». Автор отмечает широкие перспективы, раскрывающиеся перед этнографами в области изучения смены старого быта новым. Вследствие краткости пребывания в местах новостроек, где новый быт проявляется особенно ярко, члены экспедиции сделали лишь общие наблюдения. Изучение нового быта в Родопях явится темой будущих исследований болгарских этнографов.

Основной задачей архитектурного отряда экспедиции было изучение народного зодчества с целью использования его достижений в современном строительстве. В статье проф. Л. Тонева «Народная архитектура в Родопском крае» рассматриваются прежде всего специальные вопросы, однако она содержит интересный фактический материал, тем более ценный, что болгарское народное жилище с этнографической стороны еще мало изучено.

Лучшие образцы родопского народного зодчества старой Болгарии были созданы в XIX в. Следует согласиться с автором, когда он ищет причины расцвета народной архитектуры в особенностях социально-экономического развития области. В конце XVIII — начале XIX в. здесь возникло крупное товарное скотоводство и на его базе — ремесла по переработке шерсти, которые носили черты мануфактурного производства. Развивались и другие ремесла, а также отхожие промыслы. Особое развитие получило строительное мастерство. В некоторых селах все мужчины были плотниками и каменщиками (стр. 82).

План и внутреннее устройств родопского дома, как показывает автор, подчиняются прежде всего хозяйственным нуждам, на характер постройки определенным образом влияют также материал, рельеф местности и особенности климата. Родопчане создали своеобразный архитектурный стиль, сочетающий в себе внешнюю стройность с рациональностью постройки.

Не отрицая некоторого влияния архитектуры соседних стран на местную, автор в то же время подчеркивает, что обратное влияние родопского народного зодчества было несравнимо сильнее. Артели родопских плотников и каменщиков постоянно странствовали по чужбине, многие постройки в турецкой части Фракии и Греции были сделаны руками болгарских мастеров.

В силу специфики своей работы члены экспедиции обследовали только объекты, ценные в архитектурном отношении, а это — дома более зажиточной части населения. Поэтому было бы желательно, чтобы работу архитекторов продолжили этнографы, которые смогли бы дать полную картину народного жилища в Родопях, а также изучить его в более широком аспекте.

³ Хр. Вакарелски, Из вещественната култура на българите. Рала. «Известия на народния етнографски музей в София», VIII—IX, 1929.

⁴ Ж. Вьжарова, О происхождении болгарских пахотных орудий (к вопросу об этногенезе болгарского народа). В печати.

Остановимся, наконец, на статье Ивана Качулева, посвященной музыкальному фольклору в Родопах.

Песенное творчество родопчан чрезвычайно богато. Несмотря на то, что имеется немало публикаций родопских народных песен, большая их часть еще не изучена. Между тем музыкальный фольклор в Родопах особенно ценен, так как он, по мнению болгарского музыковеда А. Букорещлиева, больше, чем в других местах Болгарии, сохранил свою самобытность.

Наблюдения И. Качулева показали, что старинная песня лучше сохранилась в тех селах, где наибольшее развитие получили архитектура и изобразительные искусства (стр. 201). Это центральный район Средних Родоп. В северных районах чувствуется сильное влияние песенного творчества соседних областей Болгарии. В тех селах, где произошла смена населения, старинная родопская песня сохранилась в наименьшей степени.

В настоящее время в песенном репертуаре родопчан все большее место завоевывают современные песни. Этот процесс идет быстрее в промышленных районах (Мадан, Рудозем).

Многие из песен связаны с обрядами. Автор коротко говорит о некоторых из них (стр. 201, 214 и др.). Обрядовые песни и связанная с ними обрядность являются ценным этнографическим источником. Некоторые песни уходят своими корнями в далекую старину (см., например, стр. 201).

Статья Качулева знакомит читателя также с народными музыкальными инструментами, имеющими здесь свои особенности. Автор интересовался и художественной самодеятельностью, широко распространенной в Средних Родопах. Самодеятельные коллективы имеют теперь и помаки, в прошлом замкнутая и отсталая группа болгар. В ансамблях участвуют парни и девушки, что, по прежним представлениям, было невозможным. Многие современные песни слагаются членами самодеятельных коллективов. Они поются на местном наречии и используют народные мелодии.

В заключение отметим, что авторы отнюдь не считают свою работу завершенной. Они подчеркивают, что решать проблемные вопросы пока еще рано. Тем не менее опубликование рецензируемого сборника надо приветствовать. Такого рода издания, знакомя с результатами полевых исследований, пробуждают интерес к изучению той или иной группы народа. Советские этнографы ждут выхода в свет новых, более подробных материалов болгарских экспедиций, проведенных в последние годы.

Л. В. Маркова

СБОРНИК ВЕНГЕРСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная деятельность получила широкие возможности в народно-демократической Венгрии. Об этом свидетельствуют многочисленные работы венгерских ученых-этнографов, которые являются итогом их исследований последнего времени. Многие из этих работ опубликованы в сборнике Венгерского этнографического общества «Этнография»¹ за 1955 г.

Сборник открывается статьей, посвященной десятилетию освобождения Венгрии от фашизма, в которой кратко характеризуется научная деятельность венгерских этнографов за десять лет.

Обзор состояния этнографических исследований в области изучения материальной культуры дан в опубликованной в сборнике большой статье И. Талаши². За последние годы венгерские этнографы проделали значительную работу по критической переоценке достижений старой этнографии и изучению новых актуальных этнографических проблем. Важное место в деятельности венгерских этнографов занимает подготовка большого научного издания «Этнография венгерского народа» и «Венгерского этнографического атласа».

Подробно разбираются в статье И. Талаши результаты изучения сельского населения республики, его материальной культуры и общественных отношений. На основе многочисленных документов исследуются различные типы сельской общины и ее пережитки, развитие форм пользования землей, способы выделения участков (засека, ломка, проведение каналов) и т. д.

Изучая орудия земледелия и трудовые процессы, венгерские этнографы выяснили ряд интересных вопросов, связанных с историей развития уборочных орудий, методами обмола та зерна и используемыми при этом приспособлениями. Было установлено, что употребление косы при жатве распространяется в Венгрии с конца XV в.; вместе с тем серп перестают употреблять только к концу XIX в. Тщательно исследованы различные способы обмола та (при помощи цепа и при помощи животных), хранения зерна (ямы и различного рода постройки) и т. п.

Этнографы, занимающиеся историей развития животноводства, изучали старые формы отгонных выпасов, а также стойловое содержание скота. Изучены различные

¹ «Ethnographia», A Magyar néprajzi társaság folyóirata, Budapest, 1955, № 1—4

² I. T á l a s i, Az anyagi kultúra néprajzi vizsgálatának tíz éve (1945—1955).